

ЛУИЗА ГЛЮК

Перевод с английского Ирен ТАСАЛОВОЙ

8 октября 2020 года Нобелевский комитет Шведской академии присудил премию по литературе американской поэтессе Луизе Глюк, которая стала 16-й женщиной в списке лауреатов «нобелевки». Как было сказано в резолюции комитета, она удостоилась этой высокой награды за «точный поэтический голос, своей суровой красотой превращающий индивидуальное во всеобщее».

Родилась Луиза Глюк в 1943 году в Нью-Йорке, в семье потомков еврейских иммигрантов из Венгрии. Отец, который в молодости хотел стать писателем, познакомил ее с греческой мифологией и мировой литературой, свои первые стихи она написала в раннем детстве. Из-за нервного заболевания ей пришлось отказаться от идеи получить высшее образование, и хотя она посещала курсы поэзии при Колумбийском университете в Нью-Йорке, но диплом так и не получила – впрочем, как известно, статус поэта дается отнюдь не соответствующим дипломом...

В 1968 году Глюк опубликовала первый сборник, а уже второй ее сборник, по мнению критиков, «открыл миру самобытный голос Глюк» и принес ей стипендию Гуггенхайма, присуждаемую за «исключительные творческие способности». Всего Глюк выпустила порядка 20 сборников стихов, пишет она также и рассказы. Основные темы ее стихов – семейные трагедии, отношения между людьми, вера в Бога. В стихах часто читаются древнегреческие и древнеримские мотивы, используются мифические образы и исторические персонажи.

Поэтесса является лауреатом более 20 литературных премий, почетным доктором нескольких колледжей, а также членом престижных поэтических обществ и научных организаций США. В настоящее время преподает в Йельском университете.

Миф о любви

Когда же деву полюбил Аид,
он сотворил подобие Земли –
там было всё:
кругом луга цвели
(и ложе брачное добавить не забыл).
Там было всё:
и солнца яркий свет,
чтоб постепенно про него забыть
она смогла, и в вечном мраке жить.
Аид держал с самим собой совет
о том, что после обустроит ночь,
как тень листвы, дрожащей на ветру,
добавит звезды, желтую Луну
(а как привыкнет дева –
все их прочь...)
Пусть Персефона свыкнется сперва,
и новый темный мир ей станет мил,
ведь все в том мире есть, –
Аид решил, –
и я с ней рядом, трепетно любя.

Кому из нас не хочется любви?..
Он терпеливо ждал за годом год –
как Персефона среди лугов цветет
смотрел и строил для любимой мир.
Она любила запахи цветов
и всякого плода вкушала смак.
Он размышлял –
уж если это так,
всю страсть ее я усладить готов.
Кому из нас не хочется в ночи
к возлюбленному чреслами прильнуть
и за звездой своей пуститься в путь?..
Уста двоих дыханьем горячи,
и это знак, что в нас двоих есть жизнь,
и что двоих нерасторжим союз,
и если я, уснувший, повернусь,
она себе прикажет – повернись.
И этих чувств вкусил владыка тьмы,
глядя на им же сотворённый мир,
где Персефоне предстояло с ним
прожить...
Но чьи б тревожило умы,
да не его – что в мире этом нет
ни запахов, ни вкусов, ни цветов...
Нашел ли он для покаянья слов?
В любви искал ли дружеский совет?..
Такого он не мог вообразить,
как не умеет всякий, кто влюблен,
он мыслью лишь одной был поглощен,
он все мечтал и все не мог решить,
как рукотворный мир именовать.
Сначала думал –
будет «Новый Ад»,
потом решил –
«Подземный Райский Сад»,
и «Девством Персефоны» называть
решил отныне этот темный мир.
Свет лунный над долиной засиял,
Аид на ложе милую обнял,
он представлял, как нежно говорит:
«Моя любовь теперь всегда с тобой,
мою защиту ты всегда найдешь...»
Но он подумал, – это будет ложь.
И произнес, не покривив душой:
«Ты умерла.
Здесь я и Царь, и Бог.
Никто тебе не причинит вреда».
Он думал –
это лучшие слова,
правдивее едва ль найти б он смог.

Утонувшие дети

Ты видишь, не умевшим рассуждать,
им точно надлежало утонуть.
Сквозь глотку льда пролёг ко смерти путь,
пришлось потом всю зиму догонять
своих хозяев шерстяным шарфам,
пока и те не скрылись под водой...
Шарфы и дети обрели покой,
покорные запруде, как рукам,
что сомкнуты в объятья меж собой.

Но смерть должна настигнуть их не так –
конец приблизив к самому началу,
как будто бы они совсем не знали
рождения сквозь бесконечный мрак.
И все, что было после, только сон:
где лампа стол собою освещает,
и скатерть белая не только этот стол,
но их самих, как саван, укрывает.

Но все же дети слышат имена,
знакомые их разуму и слуху,
скользящие по гладкости пруда –
манок неупокоенному духу:
– Чего ты ждешь,
вернись домой, домой,
потерянный под синею водой,
недвижимую, синею водой.

Всех святых

И теперь еще эта земля не пришла к завершению.
Потемнели холмы. И волны в своем синем ярме
погрузились, усталые,
каждый в свои сновидения.
Вот и скирды уложены вдоль оголенных полей.
У дороги лапчатка роняет свои лепестки,
и на небо восходит Луна, заостряя клыки.

То бесплодие жатвы, а может, бесплодность чумы.
И жена, что открыла окно и своею рукою
воздаст семена, как в уплату грядущей зимы –
семена золотые, зовущие дух за собою.
Ну, иди же сюда,
ну, иди же сюда,
о, малыш!..

...И душа выползает из древа в вечернюю тишь.